

Жигоренко И.Ю. Когнитивные стили автора и переводчика – разный взгляд на мир // Новітні підходи до вивчення німецькомовного тексту : Колективна монографія / Відп. ред. Жигоренко І.Ю. – Мелітополь: Вид-во Мелітопольського державного педагогічного університету, 2018. – С. 15-37.

РОЗДІЛ 1

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА – РАЗНЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Жигоренко И.Ю.

1.1. Слово – сценарий ближайшего круга общения

Отобранные временем произведения искусства насыщены яркими образами, изысканными высказываниями, необычным подходом к решению типичной проблемы – созданы высокоталантливыми авторами, способными целенаправленно использовать выразительные средства языка для воздействия как на современников, так и на последующие поколения.

Способность авторов, посредством языка, влиять на многие поколения читателей всегда представляла интерес для исследователей – начиная от представлений о языке древних египтян [6, с. 7-17], заканчивая новейшими современными исследованиями в этой области [2, 3, 8].

Но есть и другая сторона творческого процесса автора – наше сознание не всегда может воспринять его своеобразие. Один из основоположников отечественной психолингвистики Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский ещё в начале XX ст. заметил, что читатель не просто воспринимает произведение, как готовый продукт мысли, а «отвечает на художественную мысль поэта, живописца, скульптора аналогичными движениями художественной мысли, которая, при всей своей слабости и незначительности, все таки соответствует мысли художника и в данном случае движется по тем же путям, в том же направлении, как двигалась мысль художника, когда он творил. Усвоение и понимание художественного произведения – это процессы мысли далеко не пассивные: они требуют известного творчества. Это «творчество» было бы невозможно, если бы наша психика была лишена художественных элементов. Подтверждением этого могут служить те далеко не редкие случаи, когда человек умный, знающий, образованный, однако совсем не понимает художественных произведений, которые, по своему содержанию и по идее, казалось бы, вполне доступны ему» [9, с. 101].

Эту же мысль встречаем и в работе известного украинского лингвиста XIX ст. Александра Афанасьевича Потебни «Поэзия. Проза. Сгущение мысли»: «... одно и то же художественное произведение, один и тот же образ различно действует на разных людей, и на одно лицо в разное время, точно так, как одно и то же слово каждым понимается иначе» [10, с. 157].

То есть, согласно Д. Н. Овсянко-Куликовскому, «между художественным, творчеством, в собственном смысле, и нашим обыденным,

житейским мышлением существует тесное психологическое сродство: основы первого даны в художественных элементах второго» [10, с. 102].

Обобщая приведенные цитаты, следует согласиться с современной российской исследовательницей психологической составляющей художественного произведения Ольгой Федоровной Потемкиной, что «слово — как бы «сценарий» того ближайшего общения, в процессе которого оно родилось, а это общение, в свою очередь, — момент более широкого общения той социальной группы, к которой говорящий принадлежит. Для того чтобы понять этот сценарий, необходимо восстановить все те сложные социальные взаимоотношения, преломлением которых является данное высказывание. Внутренняя речь — такой же продукт и выражение социального общения, как и речь внешняя [11, с. 334].

Читатель, как и писатель, формируется в определенном социальном окружении, выбирает для собственного использования определенные тексты, которые ему близки и понятны. В соответствии с психологическими характеристиками накапливается жизненный опыт, создается система ценностей, структурируется дискурс.

Упомянутая выше доктор психологических наук Потемкина О. Ф. в работе «Психологический анализ рисунка и текста» [11, с. 336] предлагает совокупность приемов создания литературно-художественного персонажа, «оживающего» на страницах книги, трактовать как психологизм и в область исследования включать особенности психологии автора, его творческую индивидуальность и ее развитие.

Нельзя не согласиться с психологом, предлагающим применение психологических приёмов к анализу литературного творчества, что, поскольку «в круг проблем, связанных с особенностями психологии творческой личности, входят идеи автора, его жизненное кредо, поворотные пункты судьбы, особенности социальных взаимосвязей», то наиболее целесообразным будет применение биографического метода, обладающего большими возможностями для исследования творческой личности и ее судьбы.

Основным элементом такого анализа Потемкина О.Ф. считает действие, его содержание, время, в которое оно осуществляется по замыслу автора, особенности эмоционального воздействия, использование цвета, содержание авторских отступлений и отношения самого автора к произведению и героям [11, с. 366].

Идея, учитывать психологические особенности автора, в науке не нова. В середине прошлого века известный швейцарский психоаналитик Карл Юнг также разделил авторов по особенностям их художественных произведений на две принципиально различные группы, которые назвал экстраверты и интроверты [20].

Вслед за традиционной психологией, современными психолингвистами предпринимались попытки рассматривать автора с позиций теории эмоций [12], произошло ответвление в сторону психиатрии [1], широко развернулось изучение когнитивных стилей мышления [19].

Направление, изучающее влияние эмоций, предполагает наличие у человека некой системы, которая управляет соответствующей программой действий. Все многообразие эмоций сводится к умению быстро оценить возможность или невозможность активно реагировать на события и действовать в соответствии с ситуацией [12].

Представители психолингвистической диагностики соотносят языковые категории (прежде всего семантические) с психиатрическими. Считается, что речевые сигналы, их семантика (смысл) и модальность (отношение к ним пациента) указывают на проблемы личности. Художественный текст предстает как семантический объект, как очищенный от эстетического содержания речевой текст [1].

Ученые, разрабатывающие теорию когнитивных (познавательных) стилей устанавливают индивидуальные различия между людьми в способах познания окружающего мира, определяют их роль в регуляции интеллектуальной деятельности. Направление представляется продуктивным не только для психологии, лингвистики, но и для использования в процессе обучения [19].

Психолингвисты, продолжающие разработки традиционных подходов установили, что на уровне лексики авторы, которые наиболее объективно описывают действительность, ориентируясь на реалистические произведения, являются экстравертами, а авторы, которые черпают вдохновение в мире фантазий, воображения и внутренних, субъективных переживаний, – интровертами. Их произведения различны и предпочитают разными людьми.

Действительно, одни люди любят мир фантазий, а другие – литературу реалистическую. Но, бывают и событийные смещения – когда совмещаются фантазии и реальности. Такие смещения упомянутая доктор наук Потемкина О. Ф. предлагает анализировать с применением психологических терминов «экстраверсия» и «интроверсия» [11, с. 375].

Напомним характеристики экстраверта интроверта. У экстраверта психическая энергия направлена во вне, что указывает на некоторую зависимость экстраверта от внешнего мира. Поэтому для экстраверта важно, чтобы окружающие люди обращали на него внимание и воспринимали его.

Интроверт – это тип личности, сосредоточенный в большей степени на своем внутреннем мире и в меньшей степени на внешнем. Интровертность – это здоровая способность личности настраиваться на восприятие внутреннего мира.

Как сказала одна из влиятельных американских специалистов по интроверсии доктор наук, исследователь, педагог, писатель и психотерапевт Марти Олсен Лэйни, в своей книге «Непобедимый интроверт»: «Интровертность – это конструктивное, творческое качество, которое обнаруживается у многих независимых мыслителей, чей вклад в человеческое развитие обогатил мир» [5].

Итак, реалистическое описание – это удел людей экстравертированных, стремящихся с максимальной объективностью изобразить реальность.

Абстрактное же описание скорее связано с интровертированной личностью, стремящейся изобразить собственные фантазии и воображение.

Схема анализа текста, предложенная Потемкиной О. Ф., предполагает формирование выборки контекстов на основе таких критериев:

- перечисления фактов, событий, предметов – мыслительный экстраверт;
- описание органического мира (деревьев, животных, людей) – мыслительный интроверт;
- описание пейзажей, природной стихии – сенсорный экстраверт;
- описание болезненного состояния организма, его органов – сенсорный интроверт;
- описание узоров, украшений, цветов – эмоциональный экстраверт;
- проявление фантазии, воображения, метафоричность, наличие художественного персонажа – эмоциональный интроверт;
- описание движения – интуитивный экстраверт;
- описание застывших форм, покоя, отсутствие движения – интуитивный интроверт.

При использовании этой схемы предполагается возможность установления психотипа автора, а в случае наличия признаков нескольких типов, становится реальным выделение доминирующего [11, с. 376].

Проведённое исследование, результаты которого предлагаются в этой публикации, было посвящено сравнительному анализу произведения Т. Гоффмана «Золотой горшок» [21] (написано в 1814 г.) и перевода его В. С. Соловьёвым [4], опубликованного в 1880 году в журнале «Огонек». Для определения психотипа В. С. Соловьёва, как автора, был взят рассказ «На заре туманной юности...» [17], опубликованный в журнале «Русская Мысль» в 1892 г.

Мотивацией, при выборе в качестве материала для анализа переводческой работы именно философа В. С. Соловьёва, стала одна из тайн в духовной биографии Владимира Сергеевича – заинтересованность философа спиритизмом, мистикой, каббалой, оккультизмом [7, с. 281]. Об этом свидетельствует наличие ряда его статей в «Энциклопедии Брокгауза и Эфрона»: «Гермес Трисмегист» [13], «Каббала» [14], «Мистика и мистицизм» [15], «Спиритизм» [16].

Внимание В. С. Соловьёва к тематике таинственных превращений обусловлено господствующей в конце XIX ст. ситуацией – повсеместного увлечения спиритизмом. Этим можно объяснить приверженность В. С. Соловьёва к мистическому произведению одного из почитаемых им писателей – Т. Гоффмана – рассказу «Золотой горшок», который В. С. Соловьёв ставил на первое место среди своих любимых произведений и сделал перевод, который публикуется и сегодня [18, с. 33].

Исследователи творчества В. С. Соловьёва отмечают прямые и косвенные отголоски «Золотого горшка» в произведениях философа, например, известный исследователь мифологической составляющей в творчестве В. С. Соловьёва философ К.В. Фараджев утверждает, что фантазия в стихотворении

В. С. Соловьёва «Белая лилия», вероятно, отчасти навеяна рассказом Т.Гофмана «Золотой горшок»:

«Вольному сердцу не больно... / Ей ли бояться огня Прометея? / Чистой голубке привольно / В пламенных кольцах могучего змея»

Далее, для сравнения, исследователь приводит цитату из «Золотого горшка» Гофмана: «Любовное томление, которое теперь благодетельно согревает все твое существо, будет, раздробясь на тысячи лучей, мучить и терзать тебя, потому что чувство роднит чувство... – Но разве не могу я быть твоею в том пламени, которое теперь горит во мне?» – такие диалоги вела лилия с неким юношей Фосфором» [18, с. 106].

То есть поверхностный сравнительный анализ показывает влияние одного из самых знаменитых произведений Т.Гофмана «Золотой горшок» на творчество В. С. Соловьёва в тематическом и концептуальном плане, однако детальный анализ психотипов автора (Т. Гофмана) и переводчика (В. С. Соловьёва) лингвистическими средствами способен продемонстрировать сложность этого взаимодействия на глубинных уровнях.

1.2. Анализ психотипов Т. Гофмана и В. С. Соловьёва на «экстравертированность-интровертированность»

Первоначальный отбор материала для анализа показал, что произведение В.С.Соловьёва переполнено описаниями, присущими мыслительному интроверту, в противоположность этому, произведение Т.Гофмана насыщено длинными предложениям с многочисленными перечислениями деталей и подробными описаниями.

Экстраверт Т. Гофман	Интроверт В.С.Соловьёв
<p>перечисления фактов, событий, предметов — мыслительный экстраверт; Ich weiß, daß der Geheime Rat, an den ich empfohlen bin, verschnittenes Haar nicht leiden mag; mit Mühe befestigt der Friseur einen kleinen Zopf an meinem Hinterhaupt, aber bei der ersten Verbeugung springt die unglückselige Schnur, und ein munterer Mops, der mich umschnüffelt (выслеживать; шпионить), apportiert im Jubel das Zöpfchen dem Geheimen Rate. Ich springe erschrocken nach und stürze über den Tisch, an dem er frühstückend gearbeitet hat, so daß Tassen, Teller, Tintenfaß – Sandbüchse klirrend (дребезжать (о стаканах, о стёклах)) herabstürzen, und der Strom von</p>	<p>описание органического мира (деревьев, животных, людей) — мыслительный интроверт; Я с тем же тихим наслаждением, ни о чем не думая и ничего не желая, вглядывался в густую березовую рощу, которая приветливым шепотом встретила наш поезд и обняла его с обеих сторон, и звала к себе отдохнуть, и кротко улыбалась своими золотыми от вечерних лучей верхушками.</p> <p>описание людей: Распущенные по плечам длинные женские волосы всегда принадлежали к числу этих магических предметов, а таких роскошных волос, какие были теперь перед моими глазами, я еще</p>

<p>Schokolade und Tinte sich über die eben geschriebene Relation ergießt.</p> <p>Я знаю, что тайный советник, которому меня рекомендовали, терпеть не может подстриженных волос; с великим трудом прикрепляет парикмахер косицу к моему затылку, но при первом поклоне несчастный снурок лопаётся, и веселый мопс, который меня обнюхивал (надо: выслеживал; шпионил), с торжеством подносит тайному советнику мою косичку. Я в ужасе устремляюсь за нею и падаю на стол, за которым он завтракал за работою; чашки, тарелки, чернильница, песочница летят со звоном (надо: дребезжа), и поток шоколада и чернил изливается на только что оконченное донесение.</p>	<p>никогда не видывал.</p>
<p>описание пейзажей, природной стихии — сенсорный экстраверт;</p> <p>Dicht vor ihm plätscherten (плескаться, журчать) und rauschten die goldgelben (желто-золотые) Wellen des schönen Elbstroms (многоводной реки), hinter demselben streckte das herrliche Dresden kühn und stolz seine lichten Türme empor in den duftigen (душистый, благоуханный, воздушный, лёгкий) Himmelsgrund, der sich hinabsenkte auf die blumigen Wiesen und frisch grünenden Wälder, und aus tiefer Dämmerung gaben die zackichten Gebirge Kunde vom fernen Böhmerlande.</p> <p>Около него плескались и шумели (надо: журчать, рокотать) золотистые волны прекрасной Эльбы; за нею смело и гордо поднимал славный Дрезден свои белые башни к прозрачному своду,</p>	<p>описание болезненного состояния организма, его органов — сенсорный интроверт;</p> <p>Всю эту ночь я провел без сна. Но больная фантазия не вызывала передо мною, как это обыкновенно бывает, бессвязные тени былых и небывалых сцен...</p> <p>...болезненное воспоминание возвратило мне теперь все эти подробности...</p> <p>А вы, наверное, хотите сделаться ученым? Ах, пожалуйста, оставьте это! И потом это так вредит здоровью. Вот вы и теперь какой худой и бледный.</p> <p>Ей нездоровилось. Кажется, она страдала сердцебиением. Она поминутно закрывала глаза и прижимала руку к сердцу. С болезненно сжатым ртом, с закрытыми глазами и с нездоровым цветом лица она становилась положительно дурною.</p>

<p>который опускался на цветущие луга и свежие зеленые рощи; а за ними, в глубоком сумраке, зубчатые горы давали знать о далекой Богемии.</p>	
<p>описание узоров, украшений, цветов — эмоциональный экстраверт; Da fing es an zu flüstern und zu lispeln, und es war, als ertönten die Blüten wie aufgehängene Kristallglöckchen. Anselmus horchte und horchte. Da wurde, er wußte selbst nicht wie, das Gelispel und Geflüster und Geklingel zu leisen halbverwehten Worten: »Zwischendurch – zwischenein – zwischen Zweigen, zwischen schwellenden Blüten, schwingen, schlängeln, schlingen wir uns – Schwesterlein – Schwesterlein, schwinge dich im Schimmer – schnell, schnell herauf – herab – Abendsonne schießt Strahlen, zischelt der Abendwind – raschelt der Tau – Blüten singen – rühren wir Zünglein, singen wir mit Blüten und Zweigen – Sterne bald glänzen – müssen herab zwischendurch, zwischenein schlängeln, schlingen, schwingen wir uns Schwesterlein.« – Вдруг раздался какой-то шепот и лепет, и цветы как будто зазвенели, точно хрустальные колокольчики. Ансельм слушал и слушал. И вот — он сам не знал, как этот шелест, и шепот, и звон превратились в тихие, едва слышные слова: «Здесь и там, меж ветвей, по цветам, мы вьемся, сплетаемся, кружимся, качаемся. Сестрица, сестрица! Качайся в сиянии! Скорее, скорее, и вверх и вниз, — солнце вечернее стреляет лучами, шуршит</p>	<p>проявление фантазии, воображения, метафоричность, наличие художественного персонажа — эмоциональный интроверт; Предполагаемое объяснение в любви: Я должен был сказать ей приблизительно следующее: Если ты, как я уверен, способна понять меня, то мы можем вместе совершить жизненный путь. Но знай, что ты никогда не найдешь со мною так называемого семейного счастья, выдуманного тупоумными филистерами. Я познал истину, и моя цель--осуществить ее для других: обличить и разрушить всемирный обман. Ты понимаешь, что такая задача не имеет ничего общего с удовольствием. Я могу обещать тебе только тяжелую борьбу и страдание вдвоем." Вот что я намеревался сказать хорошенькой семнадцатилетней Ольге. Метафоричность: моя аскетическая мораль с постыдною покорностью опускала свои крылья. Разве какая-нибудь сантиментальная звездочка пожалела обо мне, заметив сверху, как обильные горячие слезы текли из моих глаз...</p>

<p>ветерок, шевелит листьями, спадает роса, цветочки поют, шевелим язычками, поем мы с цветами, с ветвями, звездочки скоро заблещут, пора нам спускаться сюда и туда, мы вьемся, сплетаемся, кружимся, качаемся; сестрицы, скорей!»</p>	
<p>описание движения — интуитивный экстраверт; Am Himmelfahrtstage, nachmittags um drei Uhr, rannte (бежать, мчаться, нестись; скакать (о лошади) ein junger Mensch in Dresden durchs Schwarze Tor, und geradezu in einen Korb mit Äpfeln und Kuchen hinein, die ein altes häßliches Weib feilbot, so daß alles, was der Quetschung glücklich entgangen, hinausgeschleudert wurde, und die Straßenjungen sich lustig in die Beute teilten, die ihnen der hastige Herr (поспешный, торопливый; стремительный) zugeworfen.</p> <p>В день вознесения, часов около трех пополудни, чрез Черные ворота в Дрездене стремительно шел молодой человек и как раз попал в корзину с яблоками и пирожками, которыми торговала старая, безобразная женщина, — и попал столь удачно, что часть содержимого корзины была раздавлена, а все то, что благополучно избегло этой участи, разлетелось во все стороны, и уличные мальчишки радостно бросились на добычу, которую доставил им ловкий юноша!</p>	<p>описание застывших форм, покоя, отсутствие движения — интуитивный интроверт.</p> <p>У меня на душе было тихо и хорошо в этот вечер. Зло и страдание бытия так глубоко ушли в самую сущность вещей, что я их совсем не чувствовал, – впрочем, может быть, от того, что я совсем ничего не хотел в эту минуту и во всем окружающем видел только пейзаж.</p>

Выделенные в левой графе жирным шрифтом слова демонстрируют неправильно подобранные переводчиком В.С.Соловьёвым эквиваленты, в скобках указаны варианты, которые дают классические словари. Анализ выборки показывает, что лексике Т.Гофмана (художнику и музыканту-

профессионалу) присуща образность как в словесном изображении цвета, так и в передаче звука, а философ-переводчик часто ограничивается обобщениями, например:

оригинал: «Dicht vor ihm **plätscherten** (плескаться, журчать) und rauschten die **goldgelben** (желто-золотые) Wellen des schönen **Elbstroms** (многоводной реки)»;

перевод: «Около него **плескались** и **шумели** (журчать; рокотать) золотистые волны прекрасной **Эльбы**».

Примеры стиля В.С.Соловьёва, приведенные в правой графе, демонстрируют соответствие характеристикам интровертированного автора, что легко сравнить с текстом Т.Гофмана.

Для В.С.Соловьёва, как интроверта не характерно свойство, перечислять факты, события, предметы, поэтому он некоторые слова опускает, для некоторых берёт первое попавшееся слово, не углубляясь в семантику (например, для слова «klirrend» употреблено «со звоном» вместо «дребезжа»; для «plätschern» использовано слово «шуметь» вместо «рокатать», а речь идёт о волнах реки; для «umschnüffeln» применено «обнюхивать» вместо «выслеживать, шпионить» и др.)

Исследование на «экстравертированность-интровертированность» включает достаточно конкретизированный ряд классификаторов, потому анализ этой составляющей психотипа как автора, так и переводчика требует более детального рассмотрения – вплоть до установления доминирующего параметра методом статистического подсчета количества допущенных неточностей и анализа выборки с точки зрения семантических свойств.

Продуктивным видится сопоставительное исследование наличия признаков экстравертированности и интравертированности у В.С.Соловьёва.

Отдельного изучения требует склонность В.С.Соловьёва-поэта к передаче ритмичных синтаксических построений Т.Гофмана стихотворными строками.

1.3. Анализ психотипов средствами феноменологии

Следующая часть исследования была уточняющей и анализ проводился по нескольким составляющим в русле когнитивной лингвистики, основой которой стала феноменология.

В 50-60-х годах XX века в исследованиях американских психологов предметом изучения стали индивидуальные различия в способах переработки информации, получившие название когнитивных стилей (cognitive styles).

Обстоятельство, которое придает исследованиям когнитивных стилей особую актуальность, это острейшая проблема непонимания и неприятия людьми друг друга как следствие «конфликта стилей».

Действительно, каждый человек мыслит в рамках того познавательного стиля, который у него сложился, считая присущую ему форму понимания происходящего единственно возможной и «верной» [19, с. 13].

Индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и

отличительные особенности его интеллектуального поведения были названы американскими лингвистами **когнитивными стилями** [19, с. 16].

Стиль — это свидетельство некоторой уникальности, выделенность из множества других людей, это тот шарм, наличие которого безоговорочно характеризует обладателя стиля (в одежде, манере поведения, художественном мастерстве либо научном творчестве) как человека с высоким уровнем душевной организации. Действительно, найти свой стиль и уметь его поддерживать — это свидетельство таланта и личного мужества, это всегда знак индивидуальности [19, с. 16].

Сформированность стиля (по Олпорту) — это свидетельство способности личности к самореализации, что соответственно предполагает высокий уровень психической организации «Я» [19, с. 18].

В современной зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около двух десятков различных когнитивных стилей: 1) полезависимость /поленезависимость; 2) узость /широта диапазон эквивалентности; 3) узость /широта категории; 4) ригидность /гибкость познавательного контроля; 5) толерантность /нетолерантность к нереалистическому опыту; 6) фокусирующий /сканирующий контроль; 7) сглаживание /заострение; 8) импульсивность /рефлексивность; 9) конкретность /абстрактность концептуализации; 10) когнитивная простота /сложность [19, с. 44].

Далее представлен анализ наличия нескольких из перечисленных когнитивных стилей и продемонстрировано на примерах, как это выглядит в отобранных для изучения произведениях.

Полезависимость /поленезависимость предполагает склонность людей полагаться на внешнее видимое поле, такие испытуемые с трудом преодолевают его влияние, им требуется много времени, чтобы «увидеть» нужную деталь в сложном изображении (это явление получило название полезависимости). Другие испытуемые, напротив, склонны контролировать влияние зрительных впечатлений за счет опоры на некоторые внутренние критерии (в частности, собственный опыт), легко преодолевают влияние видимого поля, быстро находят деталь в сложном изображении (это явление получило название поленезависимости) [19, с. 46].

Таким образом, полезависимость /поленезависимость в узком значении слова — это способность вычленять простую деталь в сложной фигуре, тогда как в широком значении слова — это показатель уровня психологической дифференциации (и соответственно характера познавательной направленности субъекта) [19, с. 52].

Наиболее обширные данные были получены в результате изучения соотношения показателей полезависимость /поленезависимость с особенностями межличностных отношений.

Полезависимые лица, которые в целом в большей мере полагаются на внешние факторы (в ситуации общения — на других людей), оказываются вследствие этого более социально ориентированными. Так, они более

чувствительны к социальным воздействиям, внимательны к социальным источникам информации, деликатны по отношению к другим людям, склонны держать более короткую физическую дистанцию в условиях реального общения. Зависимые от поля люди ждут от окружающих поддержки и помощи. Им легче отвечать на вопросы, слыша в ответ одобрительные междометия или получая оценку своих ответов. Для них характерна склонность к коллективным формам деятельности, присутствие других людей интенсифицирует их деятельность. В итоге, будучи межличностно ориентированными, полезависимые люди получают больше информации в процессе общения, легче ладят с другими людьми, легче разрешают конфликтные ситуации, реже высказывают негативное отношение к окружающим. Эти люди склонны изменять свои взгляды в направлении позиции авторитетов. Они лучше узнают тех, с кем до этого виделись лишь кратковременно; предпочитают занятия, которые предполагают контакт с людьми; популярны внутри их группы [19, с. 50].

Полезависимость /поленезависимость оказывает существенное влияние на процесс решения задач в условиях совместной деятельности. Так, при работе диад, члены которых имеют различные когнитивные стили (полезависимость у одних и поленезависимость у других), окончательное решение, как правило, ближе к варианту, предложенному поленезависимым партнером. Группа, в состав которой входят только поленезависимые лица, испытывает трудности в выработке общего решения и редко приходит к соглашению по спорным вопросам.

Поскольку полезависимые испытуемые обнаруживают такие социальные установки и социальные качества, которые более полезны в межличностных отношениях, то, можно говорить о большей социальной эффективности полезависимых людей в условиях совместной жизни с другими. Таким образом, люди, принадлежащие к полюсу поленезависимости, имеют более развитые когнитивно-структурирующие способности, тогда как люди, принадлежащие к полюсу полезависимости, характеризуются более выраженными межличностными (социальными) способностями. Это обстоятельство рассматривалось как доказательство биполярной природы данного когнитивного стиля: полюс поленезависимости свидетельствует об интеллектуальной компетентности, тогда как полюс полезависимости — о социальной компетентности [19, с. 52].

1.4. Сопоставительный анализ произведений Гофмана и Соловьева на полезависимость или поленезависимость.

Т.Гофман	В.С.Соловьёв
Находят деталь в сложном изображении (показатель уровня психологической дифференциации) – поленезависимость	Отсутствие деталей, повествование посвящено описанию социальной группы – полезависимость
Da flüsterte und lispelte es von neuem in jenen Worten, und die	Это была группа странствующих французских

<p>Schlänglein schlüpfen und kosten (ласково, нежно разговаривать, болтать) auf und nieder durch die Blätter und Zweige, und wie sie sich so schnell rührten, da war es, als streue der Holunderbusch tausend funkelnde Smaragde durch seine dunklen Blätter.</p> <p>И снова слышались шепот, и лепет, и те же слова, и змейки скользили и вились (глагол говорения «kosten» опущен) кверху и книзу сквозь листья и ветви; и, когда они так быстро двигались, казалось, что куст сыплет тысячи изумрудных искр чрез свои темные листья.</p>	<p>актеров, ехавших в Орел. Впрочем, весьма возможно, что это были не актеры, а только акробаты. Их было человек семь или восемь, мужчин и женщин. Мужчины были значительно пьяны и вели себя довольно неприлично. Сначала они хотели играть в карты, но карт не нашлось. Тогда, снявши верхнее платье, они предались гимнастическим упражнениям, вешались на перекладинах, раскачивались, кувыркались, а двое покушались даже, хотя и безуспешно, играть в чехарду.</p>
<p>Und wie er voll heißen Verlangens (тоска по к-либо); вождление) immer in die holdseligen (очаровательные, прелестные) Augen schaute, da ertönten stärker in lieblichen (миловидный, хорошенький, прелестный) Akkorden die Kristallglocken, und die funkelnden Smaragde fielen auf ihn herab und umspannen ihn, in tausend Flämmchen um ihn herflackernd (мерцать, мигать, колыхаться (об огне)) und spielend mit schimmernden (сверкать, блестеть; играть (о драгоценных камнях), мерцать; поблёскивать; слабо светиться) Goldfaden.</p> <p>И когда он, полный горячего желания, все смотрел в эти чудные глаза, сильнее зазвучали в грациозных аккордах хрустальные колокольчики, а искрящиеся изумруды посыпались (надо: сыпались) на него и обвили (надо: обвивали) его сверкающими золотыми нитями, порхая и играя вокруг него тысячами огоньков.</p>	<p>Дамы их также отличались большою развязностью. Они с громким смехом и вскрикиваниями перебранивались со своими кавалерами, а одна, сидевшая ближе ко мне, довольно красивая женщина, к немалому моему смущению, сняла с ноги башмак и запустила им в одного из гимнастов, который в возмездие схватил ее за ногу и намеревался стащить на пол, но, вместо того, сам с размаху упал навзничь, возбудив своим падением неописанный восторг во всей компании.</p>

Цветовые метафоры, употребленные Т.Гофманом, не всегда адекватно передаются переводчиком, хотя их перевод не отличается особой сложностью; не редки перестановки частей предложений. В.С.Соловьев при переводе уклоняется от деталей, не придавая значения временным формам глаголов или уточняющим прилагательным.

Узкий/широкий диапазон эквивалентности характеризует индивидуальные различия в особенностях ориентации на черты сходства или черты различия объектов. В экспериментах **на свободную классификацию объектов** было обнаружено, что некоторые испытуемые разделяют объекты на много групп, имеющих малый объем (узкий диапазон эквивалентности), другие же испытуемые образуют мало групп, имеющих большой объем (широкий диапазон эквивалентности).

В работах отечественных авторов этот стилевой параметр интерпретируется как «аналитичность» (склонность ориентироваться на выявление различий в ряду объектов) и «синтетичность» (склонность ориентироваться на выявление сходства в ряду объектов) [19, с. 60].

1.5. Сопоставительный анализ произведений Гофмана и Соловьева на диапазон эквивалентности.

<p style="text-align: center;">Т.Гофман</p> <p>Разделение объектов на много групп, имеющих малый объем (узкий диапазон эквивалентности) «аналитичность»</p>	<p style="text-align: center;">В.С.Соловьёв</p> <p>Разделение объектов на мало групп, имеющих большой объем (широкий диапазон эквивалентности) «синтетичность»</p>
<p>Blumen und Blüten dufteten um ihn her, und ihr Duft war wie herrlicher Gesang von tausend Flötenstimmen, und was sie gesungen, trugen im Widerhall die goldenen vorüberfliehenden Abendwolken in ferne Lande.</p> <p>Кругом (надо: вокруг него) благоухали цветы, и их аромат был точно чудное пение (надо добавить: голосов) тысячи флейт, и золотые вечерние облака, проходя, уносили с собою отголоски этого пения в далекие страны.</p>	<p>После первых кратких расспросов о родных, о здоровье и т. п., я приступил к делу.</p>
<p>Alles war verstummt, und Anselmus sah, wie die drei Schlangen schimmernd und blinkend durch das Gras nach dem Strome schlüpfen; rischelnd und raschelnd stürzten sie sich in die Elbe, und über den Wogen</p>	<p>Четыре года после того я встретился с Julie в Италии, на Ривьере, но эта была такая встреча, о которой можно рассказывать только любителям в ночь под Рождество.</p>

<p>(волны прибоя), wo sie verschwunden, knisterte ein grünes Feuer empor, das in schiefer Richtung nach der Stadt zu leuchtend (слишком яркий; блестящий) verdampfte.</p> <p>Все замолкло, и Ансельм видел, как три змейки, сверкая и отсвечивая, проскользнули по траве к потоку; шурша и шелестя, бросились они в Эльбу, и над волнами (уточнение «прибоя» опущено), где они исчезли, с треском поднялся зеленый огонек, сделал (слово «сверкая» опущено) дугу по направлению к городу и разлетелся.</p>	
---	--

Повествование Т. Гофмана отличается углублением в описательные характеристики, в сгруппированное перечисление отдельных подробностей, что сильно удлиняет синтаксические конструкции, то есть отражает узкий диапазон эквивалентности. Стиль В. С. Соловьёва – сжат максимально, автор избегает уточняющих вставок, эпитетов, распространённых синтаксических образований, у него редки фигуры речи, что характерно для широкого диапазона эквивалентности. Возможно, эта особенность стиля философа вынуждает его небрежно относиться к содержанию перевода, где он не замечает конкретизирующей лексики.

Конкретная/абстрактная концептуализация

В основе следующего параметра лежат избирательные характеристики стиля автора по отношению к лексике конкретной и абстрактной, обусловленные такими психологическими процессами, как дифференциация и интеграция понятий. Для полюса «конкретной концептуализации» характерна незначительная дифференциация и недостаточная интеграция понятий. Для «конкретных» индивидуумов типичны такие психологические качества, как склонность к черно-белому мышлению, зависимость от статуса и авторитета, нетерпимость к неопределенности, стереотипность решений, ситуативный характер поведения, меньшая способность мыслить в терминах гипотетических ситуаций. Полюс же «абстрактной концептуализации» предполагает как высокую дифференциацию, так и высокую интеграцию понятий. Таким образом, для «абстрактных» индивидуумов характерна свобода от непосредственных свойств ситуации, ориентация на внутренний опыт в объяснении физического

и социального мира, склонность к риску, независимость, гибкость, креативность [19, с. 83].

1.6. Сопоставительный анализ произведений Гофмана и Соловьева на «Конкретность/абстрактность концептуализации»

<p>Т.Гофман «конкретный» стиль, черно-белое мышление нетерпимость к неопределенности, стереотипность решений,</p>	<p>В.С.Соловьёв «абстрактный» стиль гибкость, креативность</p>
<p>Der hatte nämlich den Stamm des Holunderbaumes umfaßt und rief unaufhörlich in die Zweige und Blätter hinein: »O nur noch einmal blinket und leuchtet, ihr lieblichen goldnen Schlänglein, nur noch einmal laßt eure Glockenstimmchen hören! Nur noch einmal blicket mich an, ihr holdseligen blauen Augen, nur noch einmal, ich muß ja sonst vergehen in Schmerz und heißer Sehnsucht!«</p> <p>Он обнял ствол бузинового дерева и, уткнув лицо в его ветви, кричал не переставая: «О, только раз еще сверкните и просияйте вы, милые золотые змейки, только раз еще дайте услышать ваш хрустальный голосок! Один только раз еще взгляните на меня вы, прелестные синие глазки, один только раз еще, а то я погибну от скорби и горячего желания!»</p>	<p>Гуляя с нею по аллеям запущенного деревенского парка, я не без увлечения, хотя сбиваясь несколько в выражениях, объяснил ей, что пространство, время и причинность суть лишь субъективные формы нашего познания и что весь мир, в этих формах существующий, есть только наше представление, то есть что его, в сущности, нет совсем.</p>

В приведенных отрывках нет неточностей перевода, но они ярко свидетельствуют о разнице в отношении двух авторов к абстрактной и конкретной лексике. Выделение конкретной лексики жирным шрифтом показывает её преимущество в тексте Гофмана и крайне малое содержание таковой в тексте В.С.Соловьева. Более углубленное рассмотрение этого параметра, на большом количестве материала, позволит определить способность / неспособность переводчика бороться с собственной склонностью к дифференциации / интеграции понятий.

1.7. Другие виды когнитивных стилей

Не все предложенные в работе М.А.Холодной параметры были рассмотрены при анализе перевода сказки «Золотой горшок», в связи с невозможностью их применения к письменной речи, или по причине

невозможности рассмотрения выборки большого объема в одной статье. Но для сохранения полной картины предполагаемых направлений исследования когнитивных типов они дальше приведены (в очередности, предложенной автором).

Ригидный/гибкий познавательный контроль

Этот когнитивный стиль характеризует степень субъективной трудности в смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль свидетельствует о трудностях в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу низкой степени их автоматизации, тогда как гибкий — об относительной легкости такого перехода в силу высокой степени их автоматизации [19, с. 68].

Методики диагностики ригидности/гибкости познавательного контроля направлены на изучения ассоциативных цепочек. Чем более отдаленные от слова-стимула слова представлены в свободных ассоциациях и чем их больше, тем более выражена гибкость познавательного контроля [19, с. 68-69].

Сглаживание/заострение

Индивидуальные различия, зафиксированные в этом когнитивном стиле, имеют отношение к особенностям хранения в памяти запоминаемого материала. У «сглаживателей» сохранение материала в памяти сопровождается его упрощением, потерей деталей, выпадением тех или иных фрагментов. Напротив, в памяти «заострителей» происходит выделение, подчеркивание специфических деталей запоминаемого материала.

Отмечается, что для «сглаживателей» характерны такие личностные черты, как пассивность, консерватизм, отсутствие чувства соперничества [19, с. 79]. При анализе того стиля рекомендуется работать с воспоминаниями.

Импульсивность/рефлексивность

Этот когнитивный стиль характеризует индивидуальные различия в склонности принимать решения быстро либо медленно. Наиболее ярко это стилевое свойство проявляет себя в условиях неопределенности, когда требуется осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив. Импульсивные испытуемые склонны быстро реагировать в ситуации множественного выбора, при этом гипотезы выдвигаются без анализа всех возможных альтернатив. Для рефлексивных испытуемых характерен замедленный темп реагирования в подобной ситуации, гипотезы проверяются и многократно уточняются, решение принимается на основе тщательного предварительного анализа признаков альтернативных объектов [19, с. 80].

При этом основное различие между полюсами импульсивности и рефлексивности заключается в объеме той информации, которую индивидуум собирает до принятия решения: импульсивные лица принимают решения на недостаточной информационной основе, тогда как рефлексивные лица склонны принимать решения с учетом максимально полной информации о ситуации [19, с. 83].

1.8. Итоги

Таким образом, рассмотренные когнитивные стили – это база, которую надо учитывать при сопоставительном анализе перевода и оригинала. Классификация стилей, предложенная современным языкознанием, позволяет выявить особенности мышления и обосновать неточности, допущенные переводчиком.

Для анализа перевода отбирались разноплановые примеры, поскольку образцы, характерные для противоположных когнитивных стилей отсутствовали в произведении В. С. Соловьёва, что характеризовало его индивидуальный когнитивный стиль и было привлекательным для исследования. То есть, в рассказе «На заре туманной юности» встретились только примеры полезависимости, синтетичности, абстрактности, а в произведении Т. Гофмана наоборот – наиболее частотными были фрагменты с характеристиками полнезависимости, аналитичности, конкретности.

Анализ психотипа как автора, так и переводчика требует более детального рассмотрения, с целью установления доминирующего параметра. Помочь, при ответе на вопрос о несоответствии перевода оригиналу, сможет методика статистической регистрации выявленных свойств авторского стиля в оригинале и его сравнение с авторским стилем переводчика, поскольку только исследование, проведённое на объёмных текстовых массивах, способно выявить тонкости психологического стиля и позволит объяснить причины редко встречающихся неточностей, допущенных при переводе.

Отдельного изучения требуют выявленные 1) склонность В. С. Соловьёва-поэта к замене ритмичных синтаксических построений Т. Гофмана стихотворными строками; 2) упрощение В. С. Соловьёвым цветowych и звуковых метафор Гофмана-художника и музыканта-профессионала; 3) стремление В. С. Соловьёва к синтаксическим трансформациям.

Исходя из полученных результатов, продуктивным видится отдельное изучение принадлежности автора к определенному когнитивному стилю и отдельное изучение принадлежности переводчика, как автора, к своему когнитивному стилю. Только после этого возможно сопоставительное исследование результата деятельности переводчика.

Список использованной литературы

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. Вопросы филологии. – Режим доступа : http://iling-ran.ru/main/publications/journals/vopr_phil
3. Вопросы языкознания – Режим доступа : <http://issuesinlinguistics.ru/>
4. Гофман, Эрнст Теодор Амадей. Золотой горшок. Сказка из новых времен (Перевод В. Соловьёва) // Гофман Э.Т.А. Новеллы. – М. : Московский рабочий, 1983. – Режим доступа : http://gofman.krossw.ru/html/gofman-gorshok-1s_1.html
5. Интроверт // Психология человека – Режим доступа : <https://psichel.ru/introvert/>

6. История лингвистических учений. Древний мир. А.В.Десницкая; С.Д.Кацнельсон. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1980. – 258 с.
7. Кравченко, Виктория Владимировна. Владимир Соловьев и София : монография / Виктория Кравченко. – М. : Аграф, 2006. – 384 с.
8. Мовознавство. – Режим доступа : <http://www.movoznavstvo.org.ua/arkhiv-zhurnalu.html>
9. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве (К теории и к психологии художественного творчества) // Литературно-критические работы. В 2-х т. – Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь; Пушкин; Тургенев; Чехов/Сост., подгот. текста, примеч. и Михайловой; Вступ. статья Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1989. – 542 с.
10. Потебня А.А. Поэзия. Проза. Сгущение мысли. // Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 300 с.
11. Потемкина О. Ф., Потемкина Е. В. Психологический анализ рисунка и текста. – СПб.: Речь, 2006. – 524 с.
12. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 214 с.
13. Соловьев В. С. Гермес Трисмегист // Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/brokgauz/>
14. Соловьев В. С. Каббала // Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/brokgauz/>
15. Соловьев В. С. Мистика и мистицизм // Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/brokgauz/>
16. Соловьев В. С. Спиритизм // Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона <http://www.vehi.net/brokgauz/>
17. Соловьев Владимир. На заре туманной юности... – Режим доступа : <http://www.vehi.net/soloviev/nazare.html>
18. Фараджев К.В. Владимир Соловьев: мифология образа. – М.: «Аграф», 2000. – 160 с.
19. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. —. СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
20. Юнг К. Психологические типы / Пер. с нем. – М. : «Университетская книга», ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 720 с.
21. Hoffmann, E.T.A. Der goldne Topf. Ein Märchen aus der neuen Zeit. Frankfurt am Main : Insel Verlag, 1981. – Режим доступа : <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-goldne-topf-3103/1>